

МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ МАРАФОН И СОЦИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

А.И. Неклесса¹

*Институт Африки РАН
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1*

Аннотация. Статья написана на основе доклада «Постсовременность как постколониальность: метаморфозы цивилизационного транзита» на пленарном заседании X Южно-российского политологического Конвента (Южный федеральный университет, 27–31.10.2020, Ростов-на-Дону). Цивилизация рассматривается как динамическая категория, а история как эволюционный процесс, отражающий трансформацию социальной ментальности. Усложнение социального космоса и обитающих в нем организмов – естественный результат исторического развития. Переживаемый сегодня комплексный цивилизационный транзит – это переход от современного уклада к постсовременному строю играющих все более важную роль слабоформализованных квазисуверенов. Постколониальность же как универсальная, обретающая все больший вес проблема, расценивается в статье как специфический извод постсовременности.

Ключевые слова: цивилизация, эволюция, транзит, глобальная трансформация, постсовременность, постколониальность, социальная ментальность.

Есть две достаточно разные, но сопряженные вселенные: физическая и антропологическая, объединенные единой «большой историей». Каждую из них можно подразделить на парные ипостаси: природный космос необъятных размеров и микромир с собственными законами. Так же и социальный космос состоит из миллиардов персональных, подчас весьма странных миров. Все эти аспекты бытия взаимосвязаны непростым образом, представляя единую комплексную систему. Человеческая вселенная, зародившись, перманентно расширяется – территориально, численно, виртуально, прокладывая маршрут истории.

Эволюционный марафон

Мир людей – Вселенная с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики.

¹ E-mail: neklessa@intelros.ru

В ту или иную эпоху, в том или ином регионе нас объединяет *организация сознания* (признанные координаты бытия) и *социальная ментальность* – «то общее, что есть у Цезаря и последнего солдата его легионов, у Людовика Святого и крестьянина его домена, у Колумба и матроса на его каравеллах» (*Jacques Le Goff*) [1]. Но возникают исключения, зарождается социокультурная эксцентричность. Изменение ментальности, предопределяющей социальные нормы и политический порядок, предшествует модификации общества и смене мироустройства.

История – эволюционный марафон. Логика тут примерно такова: человечество – развивающийся антропологический космос, открытая система, реализующая «геном истории», эволюционный социокод с определенным набором сопряженных траекторий (предзаданное целеполагание социального организма и аутопоэзиса личности). Предполагается, что постижение гештальта (целостности образа) истории и познание логики ее маршрутизатора, вкупе с осмыслением фрактальной структурности событий позволяют с той или иной степенью успеха прогнозировать будущее русло истории, декодировать характер и последовательности грядущих перемен. Футур-история, таким образом, представляет не осуществленную в событиях действительность, но ее должный порядок, вероятную траекторию развития. Полнота жизни, умножение случайностей, спутанность и прерывание последовательностей привносят в сюжет временные искажения, прочие сюрпризы, влияя на точность прогнозов универсальной дорожной карты. Но даже при хаотизации организации история сохраняет заложенный в нее природой или Творцом код эволюции как тягу к воплощению взыскуемого идеала. Глобализация создала общую оболочку для расширения практики и персонализации коммуникаций, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует сумму анклавов, являющихся горнилами иной цивилизационной организации, отрицающей прежнее устройство антропологической Вселенной, повышая градус неопределенности в траекториях футур-истории.

Большой транзит цивилизации можно, с определенной мерой условности, свести к трем эстафетам: предшествующее (*ante*), современное (*mode*), грядущее (*post*), перемежающимся чересполосицей пробежек – «химерических средневековий». Развитие по-разному проявляется в различных ареалах, одни персонажи универсального театра действий стремятся завоевывать, другие обустроивать, третьи – преодолевать. Доминантой целеполагания политических субъектов даже в не столь уж отдаленном прошлом было *пространственное развитие*: строительство империй, морских или континентальных – им свойственны геополитические ориентиры. Современность предполагает исход из мира территориальных композиций, она скорее тяготеет к освоению и эксплуатации *времени*, колонизации нереализованных, но реализуемых с той или иной степенью вероятности состояний – борьбе за будущее. Пост-современность же представляется динамичным калейдоскопом: склонным к самоорганизации трансграничным сообществом – мозаичным миром с *мультиплицированной суверенностью*, упирающейся в и опирающейся на антропологическую сингулярность.

Социальная ментальность, однако же, инертна, она сопротивляется синкопам перемен. Ее генезис хорошо описывает история про обливаемых водой шимпанзе, пафос которой – демонстрация силы и цепкости ритуальной «вирусизации» сознания. История эта упомянута в изданной Гарвардской школой бизнеса книге Гари Хамеля и Коимбатори Кришны Праалада (*Gary Hamel, C.K. Prahalad*) «Состязание в погоне за будущим» [2]. Оставляя в стороне вопрос о нечеткой атрибуции эксперимента, его логика многое говорит о наследовании шаблонов поведения и установок ума, если и не в популяции обезьян, то в человеческом обществе.

Фабула описываемого эксперимента примерно такова. К потолку помещения, где находятся пять шимпанзе, привязывается связка бананов, рядом устанавливается лестница. Однако при попытке какой-либо из обезьян подобраться к бананам всех обливают ледяной водой. Ситуация повторяется, после чего, если кто-то из подопытных особей все же пытается достать банан, другие удерживают ее силой. Затем одну из обезьян заменяют на новую, которая естественно устремляется к лестнице, но остальные, следуя сложившейся практике, останавливают ее. При замене еще одной обезьяны, первая сухая, не имевшая негативного опыта с ледяной водой, тем не менее, действует совместно с коллективом. Новые особи быстро «стареют». В результате после замены всех мокрых на сухих обезьяны продолжают вести себя согласно стереотипу поведения, ставшему ритуалом, переходящим в традицию.

В людском общежитии прерывание безвременья носит взрывной характер. Инерция быта и блокада будущего нарушаются критическими событиями: приходящими извне спонтанными катаклизмами либо героическими усилиями «звезд в ночи». Для транзита – расширяющейся воронки перемен – характерны и естественны уход от ставшего привычным самоотчуждения, стохастическая суэта, хаотизация прежней и генезис новой организации. Эволюционный лифт приходит в движение.

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности: устанавливаем барьеры, и опрокидываем их. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Будущее как футур-история – антропологическая категория, связанная с переворотами и развитием, это путь претерпеваемых катастроф и преодолеваемых состояний. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная ослепительная утопия вносит в связь времен дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история всегда «беременна новизной».

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой и правовой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура

определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промысленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и напряжения воли, трансмутация собственной природы, модификация социокультурных констелляций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и эстафета власти. Реальность, время от времени разрушая представления о себе, отрицает текущее редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от ставших привычными форм самоотчуждения, отмирающих корпораций, искаженных институтов, общего истощения среды в пользу иного восприятия бытия. Традиционализм осознал мир как пространство, Современность колонизировала и осваивала время, Постсовременность учит и учится отделять живое от неживого. Это кесарево сечение, исход и устранение безбудущности – эволюционный транзит и путь становления личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватым скорее обрушением в изъяды прошлого, а появляется и проявляется в «своих напевах»: их сопряжении с деятельно постигаемой сутью, «геномом, истории», ее промысленным целеполаганием. Борьба за будущее, иную землю, иное небо стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества, если таковые имеются, в ментальном и культурном своеобразии, устраняя явные и скрытые изъяны, демонтируя обанкротившиеся конструкции и реализуя эволюционную синергию. Но продвижение в будущее – не только ажурная вязь вбираемых в плоть истории оригинальных проектов, слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, апробация версий соперничества и коэволюции. Это также, и главным образом, сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление сложившейся социальной ментальности, внутренних противоречий и персональная трансформация.

Двусмысленное достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита: не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, проживая, переживая утрату определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Симптоматика разложения Модернити проявляется в нищете свойственных ее природе идеологий, замещаемой конфессиональной интервенцией и мимикрией, чреватой алогичными метаниями и разрушительной суггестией «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией [3]. Маршрутизация разнонаправленных переходов осложняется флюидами неоархаизации и сполохами деструкции – прямым отрицанием футур-истории, реанимируя инкапсулированных в плотных слоях прошлого гекатонхейров –

ограниченные объемом и формой древние стихии, замороженные цивилизацией, но сжигаемые внутренним огнем хаоса.

Когнитивные перемены аранжируют практику, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи Аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки². Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили, практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудейской и христианской концепций бытия и соответствующая данным идеалам социальная реорганизационная процедура [4]. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [5], его способности к выбору, самосозданию и обновлению, обусловило кардинальную реформацию институтов и модификацию истории, ее переосмысление, пройдя сквозь многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» (Макс Вебер [6]), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» (Поль Рикёр [7]). Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер [8]) мифологических отождествлений и патриархальных подчинений,

² Взамен был предложен иной критерий: проверка истинности утверждений «книгой природы», суверенной по отношению к человеческой логике, будучи сотворенной нечеловеческим разумом и отражающей совершенно иной уровень сложности. Решение подвергать подобному испытанию человеческую ментальность означало введение в исследовательский процесс свободного от игр разума арбитра – эксперимента. Открытие запечатленных в естестве смыслов, отражающих отличную от человеческой логику, ее постижение и усвоение, оказывается возможным в результате исследования независимых от сознания объектов, испытания нечеловеческих тайн природы. Знание, таким образом, разделилось на науку, имеющую дело с предметностью, которая существует объективно, то есть независимо от мнения о ней людей (гипотез), но которую можно подвергнуть изучению различными объективными методами. И дисциплинированные по определенным правилам рассуждения – социальные и гуманитарные дисциплины, исследующие предметность, создаваемую людьми, отражая их изменчивые деяния и подвижную ментальность, рассекая химеры, редуцируя фантазии, удерживая обретения и восполняя, таким образом, динамичную, полифоничную истинность. Гуманитарное знание – авторские путеводные нити для познания человеческого естества, рецептуры меняющихся взаимоотношений на путях исхода из лабиринта ментального синкретизиса. Они практичны, рациональны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но обнаруживаются закономерности (теоремы), обоснованные консенсусом когнитивной аксиоматики, философским дискурсом и этическим кодексом эпохи. Это язык гармоник, признанных констатаций, корпоративных договоренностей. Ознанные и осознанные концепты вопрошаемы, дискурсивны, протокол носит временный характер, он инициируется, утверждается, пересматривается, опровергается в перманентном поиске иных объяснений и переписывания рецептов. Аналог процесса – судебное заседание и его вердикт (выносимый большинством заседателей), допускающий, однако, подачу апелляций и кассацию. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства произвольной практики.

«самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» (Эрих Фромм [9]). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадежности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкрезиса, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного, сложного поведения.

Постсовременность как постколониальность

Последние президентские выборы в США – драматичная сценография на подмостках данного цивилизационного портала. Электоральные пертурбации сфокусировали, проявили и предъявили миру неочевидные аспекты универсальной постколониальности – грандиозного эксперимента по воздействию на социальную ментальность (включая всю мощь кинематографа³), сместив заодно акценты в историографии и политике прошлого столетия. XX в. – время перехода от многовекового пространственного развития (завершившегося глобализацией – «эффективной оккупацией» планеты современной цивилизацией) к краху имперских грез; затем на обломках имперских просторностей были пережиты апофеоз и кризис национальной идеи. Распад континентальных и морских империй, равно как этатистский *tour de force* политических инженеров (с тем или иным идеологическим наполнителем), сопровождался демонтажем сословных перегородок, гендерной эмансипацией, социальной демократизацией, либерализацией общественных норм, связей, торговли, контркультурным переворотом, десегрегацией, деколонизацией, серией «бархатных» революций... И далее – новым изданием «весны народов», но уже в иной социокультурной среде, обернувшись возвратной волной культур-демографической экспансии постколониального мира.

Прошлая колонизация земного универсума замещается версиями его мультикультурной реконфигурации. Картография антропологического

³ Ср., к примеру, ТВ-сериал «Уравнитель» 1985–1989 гг. и его текущий римейк 2021 г. А с 2024 г. претендентам на премию Оскар в номинации «Лучший фильм» необходимо будет выполнять два из четырех условий (A, B, C, D): (A) соответствие первому из трех критериев: 1) главный / второстепенный герой из недопредставленной этнической группы; 2) не менее 30% актеров из двух групп: женщины, ЛГБТК+, люди с инвалидностью, люди с когнитивными нарушениями и этнические, расовые группы; 3) тема фильма связана с данными группами; (B) необходимо выполнить 1 из 3-х условий: 1) присутствие на креативных топ-должностях кинокомпании от двух членов описанных выше групп и одного – из этнической или расовой групп; 2) 6 других членов команды и технических должностей из недопредставленных групп; 3) по крайней мере 30% съемочной группы должны принадлежать к недопредставленным группам; (C) здесь обязательны оба условия: 1) возможность платного обучения, стажировки и возможности для обучения, развития навыков команды; 2) квоты недопредставленным, этническим, расовым группам; (D) единственный критерий: несколько штатных руководителей высшего звена киностудии в отделах маркетинга, рекламы и/или распространения должны быть из недопредставленных групп.

космоса все больше расходится с географической ее интерпретацией, опознавая и эксплицируя сложные связи – смесь символизма и случайностей, распаковывая диахронные, вероятностные конструкторы. Религиозная и идеологическая институционализация замещается пестротой конфессиональных и персональных установок. Человечество переживает социокультурный переворот, реализуя также динамичную формулу политических координат, полагая мир коэволюционной интеракцией людей и народов, а не властной комбинаторикой государств. Историческое преимущество оказывается у субъектов перемен и агентуры эволюции.

Сложный мир Постмодерна, опровергающий Современность с ее постулатами секулярности, социального гуманизма и организационной силой науки, истолкованной как прогресс – иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и факториал взаимоотношений. Превышение некой их суммы порождает цивилизационную трансгрессию, а прежнее мироустройство расплзается словно лоскутная химера. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это глобальное поле с перманентно генерируемыми и разбегающимися сюжетами.

Постсовременность может быть охарактеризована как своего рода вселенская постколониальность – транзитный коридор к самостийному обществу, реализующему потенциал самоорганизации систем и возможности сложноорганизованных индивидов.

Постколониальность же в постсовременном изводе прочитывается симпатизантами как устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный поиск, героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. Нация мыслится как сообщество – симбиотический проект энтузиастов и провокаторов («синий сдвиг»), патриотизм же в трансграничной Вселенной воспринимается как некое подобие расизма (e.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), то есть как историческая близорукость, не замечающая своего «мене, текел, упарсим» – аналогий с участием сельской общины и трайбализма в эпоху Модернити.

Реорганизация строя, атакуемого с различных позиций, смещает социальный горизонт и расширяет политический кругозор. Постсовременное средневековье рождает протееобразных субъектов – смешение мирного и немирного сосуществования наследия эпох и экспериментальных организмов. Композиция взаимно контаминируемого мироустройства – конкурирующих концепций и воплощаемых моделей земного бытия – явно сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Присутствие в атласе постмодерна как колониальности, так и постколониальности, включая вкрапления парадоксов и притязаний контркультурной гегемонии, усложняет топографию гибридного мира, обнаруживая невидимые до поры препоны и проблемы.

«Камо грядеши?»

Мир расстается со своим цивилизационным статусом и привычными организационными формами: мы обитаем в ускоряющемся потоке перемен. Сегодня концепту глобализации как «финалу истории» – социальной и экономической связности современности – противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как системный кризис государственных, идео-партийных, административных институтов, прочих бюрократических механизмов. Власть ускользает от этатистских структур, складывается иное представление о политической субъектности, происходят замещение субординативности субсидиарностью и приватизация мировых связей.

Геополитика либо служит экономике и социокультурному развитию, либо закапывает национальные ресурсы в землю. Территориальная экспансия замещается освоением зыбких и многомерных пространств – «эффективной оккупацией будущего». Цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным владением земными территориями, их политическим, административным обустройством, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на инфраструктурное доминирование, организацию хозяйственной и контроль финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление маршрутами транспортировки и транзакций, правами доступа и благопритворствования, режимами преференций и санкций. А создание и свободное использование технологий оказывается важнее обладания произведенными продуктами. При этом интенсивность синергичных коммуникаций – результативное «деловое соседство», преобладает над непосредственной территориальной близостью.

Возрастет роль геокультуры, учитывающей зоны культурных разломов, удельный вес социокультурного капитала, влияние информации, генезис смысловых и ценностных неонаций (когда не границы диктуют идентичность, но идентичность определяет солидарность), выделяя центры гравитации, экспортирующие, транслируя на иные социальные языки, принципы, стиль, политические и этические стандарты. Сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и творческой деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими последствиями.

Повышается значение геоантропологии, фиксирующей изменения в картографии человеческих активов, их потенциал, генетическое и прочее разнообразие, становление новых идентичностей, пути и динамику антропоток, перераспределяющих население планеты. Сфера практики пронизывается вирulentной генерацией людей-предприятий (*menterprisers*), их экзотичными, радиантными и радикальными стартапами, образующими молекулярные ансамбли и блокчейновые цепочки, а также новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов, популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Привычные типы государственности, коммуницируя и конкурируя с этой полифоничной средой, преобразуются и поглощаются обществом. Перемены же, predetermined множественной трансграничной суверенностью, высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления. Национальная государственность, испытывая кризис идентичности, утрачивает былые позиции и провоцирует собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация, финансы, компетенции – глобальны).

Углубляется кризис системы международных отношений, транснациональной бюрократии и сопряженных с нею институтов; формируется многоуровневый мир сетевых связей, включая присутствие антропосоциальных корпораций, других комплексных субъектов, влиятельных лоббистов и неформальных акторов. Предчувствуя и переживая институциональную хаотизацию, уходящие в прошлое политические организмы пробуждают встречный ветер национализма (ср. «красный мираж»). Столкновение шквала трансформаций и вихрей сопротивления потоку перемен преобразует привычный миропорядок в среду социальной турбулентности.

Отрицая прежнее мироустройство, постсовременность воспроизводит в планетарном масштабе черты и подобие постколониальной симуляции, что заставляет пристальнее взглянуть в проблематику стран, усвоивших криптографию самоопределения, обретая тяготы, призы и печали суверенности в различных версиях ее становления.

Литература

1. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
2. *Hamel G., Prahalad C.* Competing for the Future. Boston: Harvard Business School Press, 1994. 327 p.
3. *Неклесса А.И.* Культура смерти // Азия и Африка сегодня. 2006. № 2 (583). С. 3–11.
4. *Кокс Х.* Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. 263 с.
5. Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>
6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма: избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44-271.
7. *Рикёр П.* История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с.
8. *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность М.: Прогресс, 1994. 344 с.
9. *Фромм Э.* Библейская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

METAMORPHOSIS OF CIVILIZATIONAL TRANSIT. EVOLUTIONAL MARATHON AND SOCIAL MENTALITY

A.I. Neklessa

Institute for African Studies

30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation

Abstract. The article is based on the report «Postmodernity as Postcoloniality: Metamorphosis of Civilizational Transit» at the 10th South-Russian Politological Convent in South Federal University 27–31.10.2020. Civilization is seen as a dynamic structure, and history as an evolutionary process, defined and manifested in the transformation of social mentality. The complexity of the current social environment and organisms living in it is a natural result of development. The transit experienced by the modern civilization to the postmodern order of multiple, loosely formalized sovereigns. Postcoloniality as a rapidly growing universal problem is regarded as a specific aspect of postmodernity.

Keywords: civilization, evolution, transit, postmodernity, postcoloniality, social mentality, global transformation.